

УДК 355.01



**ТРАНСФОРМАЦИЯ
ПАРАДИГМЫ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ
В УСЛОВИЯХ НОВЫХ
ВЫЗОВОВ И УГРОЗ**

**THE TRANSFORMATION OF
THE PARADIGM OF MODERN
EUROPE DEVELOPMENT
IN TERMS OF NEW
CHALLENGES AND THREATS**

Штофер Людмила Львовна

Кандидат философских наук, доцент
Ростовского государственного
экономического университета (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: Filosofiya327@yandex.ru

Shtofer Lyudmila L.

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Rostov State University of Economics,
Rostov-on-Don,
e-mail: Filosofiya327@yandex.ru

В статье анализируются последствия глобальной иноэтничной и иноцивилизационной миграции для евроинтеграции. На основе осмысления взаимосвязи современного миграционного кризиса и повышения роли национально-государственного фактора в сфере безопасности и культурной идентификации выявляются причины усиления дезинтеграционных процессов, возможного изменения парадигмы развития единой Европы.

The article analyzes the consequences of global nonethnic and noncivilizational migration for European integration. Based on the understanding of the relationship between contemporary immigration crisis and the increased role of the nation-state factor in security sphere and cultural identity, the causes of amplification of disintegration processes, possible changes in the paradigm of a united Europe are identified.

Ключевые слова: евроинтеграция, цивилизационная идентичность, национально-государственная идентичность, миграционный кризис, система европейской безопасности, мультикультурализм, культурная автаркия.

Keywords: European integration, civilizational identity, national and state identity, migration crisis, the system of European security, multiculturalism, cultural autarky.

Одним из знаковых событий, повлекших масштабные социальные трансформации, стал миграционный кризис на территории Евросоюза,

начавшийся летом 2015 г. и продолжающийся до настоящего времени. Спокойная и стабильная Европа подверглась воистину второму великому переселению народов [1] и, как некогда античный Рим, оказалась в ситуации выбора дальнейшего пути развития.

Рим как колыбель западной цивилизации передал Европе драматическую борьбу двух путей развития: Рима как открытого пространства и Рима как замкнутого мира [2, с. 11]. Собрав вокруг себя обширные земли, необходимые для обороны и благополучного существования римского народа, Рим в конце I в. закрылся лимесом, обозначив границы империи [2, с. 11]. Тем не менее полиэтничность и поликультурность империи уже в III в. способствовали усилению центробежных тенденций: постепенная эмансипация провинций сопровождалась увеличением удельного веса некоренного населения в центральных органах власти. Однако распространение христианства и становление вселенской церкви вновь создали предпосылки для объединения, реализовавшиеся в последующую, средневековую эпоху. В дальнейшем в условиях крушения имперской политической системы и неуклонного ослабления роли католической церкви произошло усиление национально-государственных тенденций. Оно завершилось победой идеи национально-государственного суверенитета и создания в Новое время Вестфальской системы. На протяжении нескольких веков европейские государства с целью усиления своих политических позиций непрерывно воевали друг с другом, создавали колонии в Африке и зоны влияния в Азии. Апофеозом европейской дезинтеграции стали мировые войны XX в.

После окончания Второй мировой войны возникла новая двуполлярная политико-экономическая реальность. Идеологическое противостояние способствовало появлению полицивилизационного «свободного мира», ядро которого составили западноевропейские страны. Они же возродили идею европейского единства: для защиты западных стран и их ценностей были созданы военно-политический блок НАТО и ОБСЕ. Параллельно шел процесс евроинтеграции, выразившийся в ряде знаковых политических решений и их правовом закреплении: прошли обще-европейские выборы в Европарламент (1979 г.), подписаны шенгенские договоренности (1985 г.), заключен Маастрихтский договор о создании Евросоюза на основе ЕЭС (1992 г.), введена единая европейская валюта – евро (1999 г.).

В основе Евросоюза лежала общность территории, истории, западной христианской духовной традиции. Причиной объединения стал симбиоз экономических интересов европейских государств (общий рынок) и культурообразующих гуманистических универсалистских ценно-

стей (в первую очередь прав и свобод человека и институтов либеральной демократии). Евросоюз был создан по инициативе наиболее могущественных стран региона, Германии и Франции, для решения общеевропейских задач в области политики, экономики и культуры. Усиление позиций ЕС происходило за счет вступления новых членов, в том числе стран не только Западной, но и Центральной Европы (Польши, Венгрии, Чехии, Словакии), а также бывших республик СССР (прибалтийских стран), родственных в цивилизационном отношении. Так возникло новое объединение, более или менее совпадающее с границами исторически сложившейся западной цивилизации.

Создание Евросоюза не привело к отмене де-юре европейских национально-государственных образований, но существенно ограничило их возможность действовать как суверенные политические структуры. Этому способствовало создание надгосударственных институтов в Брюсселе, включавших исполнительные, законодательные и судебные органы.

Снимая внутренние преграды, создавая благоприятные условия для движения товаров, финансов, людских масс, ЕС начал воздвигать на своих границах новый незримый лимес. В частности, желание вступить в Евросоюз ряда государств Восточной Европы (Румынии и Болгарии), а также Турции наталкивалось на противодействие официального Брюсселя. В качестве причин фигурировали низкий уровень экономического развития претендентов и проблемы с соблюдением прав человека. Реальная причина отказа заключалась в цивилизационных (этнокультурных и религиозных) различиях. Восточноевропейские государства принадлежали к православной, а Турция – к исламской цивилизации. Тем не менее в 2007 г. Болгария и Румыния, едва ли не последние, были приняты в состав ЕС, а Турция по-прежнему остается в числе кандидатов. Думается, причина прежняя и имеет отношение к неустрашимым культурным и цивилизационным отличиям: православно-христианские страны ближе западному христианскому миру, чем исповедующие ислам. Вопросы, связанные с приемом в Евросоюз, у Брюсселя, по-видимому, вызывают не только мусульманская Албания, но также Македония и Черногория, которые в своей истории испытали длительное влияние Османской империи.

Вышесказанное свидетельствует о том, что современная Западная Европа осуществляет дифференциацию претендентов на членство в Евросоюзе по нескольким критериям: уровень развития экономики, правовых институтов. Однако первое место занимает цивилизационная принадлежность стран-претендентов. Тем не менее, пытаюсь отгоро-

даться от «чужаков» в этнокультурном отношении на уровне государств, страны Евросоюза на протяжении многих десятилетий разрешали иноэтничным мигрантам въезд на свою территорию с последующим предоставлением вида на жительство и гражданства.

По данным 2013 г., численность мигрантов, осевших в Европе, составила 72 млн чел. Их прирост за период с 1990 по 2013 г. составил 23 млн чел. Почти 74 % от общего числа мигрантов – это трудоспособное население в возрасте от 20 до 64 лет [3, с. 38–39, 41]. К 2050 г. страны Евросоюза планируют увеличение числа только легальных трудовых (преимущественно инокультурных) мигрантов до ста миллионов человек [4].

Помимо трудовой миграции, особого внимания заслуживает форма, которую условно можно обозначить как «реабилитирующая» миграция. Наиболее ярко она проявилась во Франции и была вызвана чувством вины метрополии перед бывшими африканскими колониями: Алжиром, Тунисом, Марокко. Так, всем алжирцам, родившимся до 1962 г. (окончание войны с Францией), бывшая метрополия предоставляла гражданство и широкий спектр социальных льгот: муниципальное жилье и значительные пособия.

Поскольку миграция постепенно расширялась, она способствовала формированию мультикультурного и мультирасового общества в каждой из западных, в том числе и европейских, стран. Новая реальность требовала осмысления, выработки принципов взаимоотношений между западным и незападным мирами, оказавшимися в непосредственной близости. Мультикультурная модель легитимировала различные формы культурной инаковости и предполагала интеграцию без ассимиляции. В реальной социальной практике мультикультурализм быстро приобрел мозаичный характер, поскольку на фоне узаконенного культурного плюрализма в пределах одного политического образования возникли четко дифференцированные общности, сохраняющие свою идентичность и границы [5, с. 9].

Западный мультикультурализм базировался на принципе толерантности: «чужие» – просто «другие». Взаимодействие с ними полагалось выстраивать, исходя из априорного утверждения: «сегодняшний “другой” не опасен... имеет право на отличие и населяет метрополии развитых стран» [6, с. 58]. Однако по мере увеличения миграционных потоков, возникновения феномена глобальной миграции конца XX – нач. XXI в. этнокультурная фрагментация социума начала подрывать основы национальных культур [7] и цивилизационной идентичности. В некоторых крупных городах Великобритании, Франции, Испании, Ита-

лии изменился этнический состав населения: большинство в них составляют не европейцы, а мигранты и их потомки из Северной Африки и Азии. Для Европы это оказалось чрезвычайно существенно, поскольку, в отличие от традиционно эмигрантских западных стран – Канады и США, основы культуры в европейских странах формировались в течение длительного времени, воспроизводились из поколения в поколение, находили отражение в образе жизни, а после возникновения национальных государств приобрели общезначимый характер.

Наличие иммигрантских анклавов оказывало серьезное влияние на сложившийся жизненный уклад коренных жителей Европы: поведенческий стереотип, характерный для культуры других народов, вызывал неприятие у местного населения. В общественном сознании принимающих стран закономерно происходила дифференциация населения на «своих» и «чужих», оживали ксенофобские настроения [8, с. 175].

Рост этнического разнообразия в обществе привел к появлению новых социальных разломов, «...во многих развитых странах на первый план по степени остроты и политизированности стали выходить конфликты, которые можно определить как этносоциальные» [9, с. 11]. Их источником были социальная стратификация и материальные аспекты существования этнических групп. С одной стороны, мигранты становились объектом скрытой или явной дискриминации [10, с. 40], с другой – местное население полагало, что мигранты отбирают у них рабочие места и пользуются социальными благами, в создании которых они не принимали никакого участия [11, р. 163].

У данных аргументов есть основание, поскольку социально ориентированный характер экономики европейских стран, развитая система социального обеспечения порождают у мигрантов иждивенческие настроения: в Европе можно не работать, а жить на пособия. Тем не менее в европейских странах нередки акции протеста и даже акты насилия со стороны мигрантов, не удовлетворенных своим социальным положением [8, с. 180].

Особую опасность представляет симбиоз социально-экономической неудовлетворенности, этнорасовой ущемленности и культурной инаковости [13]. Осенью 2005 г. в пригородах Парижа начались масштабные волнения молодежи из азиатских и африканских стран. Они сопровождались погромами, поджогами и акциями насилия сначала на территории Франции, а затем Германии, Бельгии, Голландии, Италии и Греции, поскольку нашли поддержку у местных этнических меньшинств.

Если предшествующая миграция на территорию Евросоюза де-стабилизировала ситуацию в отдельных странах лишь эпизодически, то современный миграционный кризис угрожает политической, экономической и духовной целостности единой Европы, актуализирует в очередной раз центробежные тенденции, приоритет национально-государственных интересов над интересами ЕС [14].

Это побуждает еще раз провести аналогии с событиями античной эпохи. Причины великого переселения народов в прошлом и настоящем различны – от резкого изменения климата, повлекшего сокращения пастбищ и посевных площадей в древности, до последствий войны в Ливии, Ираке и Сирии сегодня. Однако удивительным сходством обладают их последствия: «...варварские народы, подталкивая друг друга, двинулись... вплоть до окраин западного мира» [2, с. 15]. Их собственная жестокость часто проистекала от отчаяния, особенно когда римляне отказывали им в убежище, коего они обычно миролюбиво испрашивали [2, с. 15].

В зависимости от обстоятельств и политических расчетов римляне иногда разрешали племенам, чуждым в этнокультурном отношении, поселиться на своей территории. Однако императоры, действовавшие подобным образом, сталкивались с протестными настроениями, поскольку римляне традиционно считали варваров скорее животными, чем людьми. Окончательное утверждение христианства, по-видимому, лишь усилило антагонизм: Амвросий Медиоланский призывал христиан с оружием в руках защитить отечество от варварского нашествия [2].

Великое переселение народов античной эпохи стало точкой невозврата, после которой последовали качественные изменения во всех значимых сферах – от политики и экономики до культуры. Нечто подобное мы наблюдаем сегодня на территории Евросоюза.

Цивилизационные различия при отсутствии действенных адаптивных механизмов становятся источником конфронтации в обществе, демаркационной линией между западным и незападным мирами. В.И. Пантин правомерно утверждает, что в настоящее время столкновение цивилизаций «происходит не только и даже не столько на международном, межгосударственном уровне, сколько внутри отдельных обществ, внутри отдельных государств [13, с. 35]. Речь идет о контрпродуктивном взаимодействии разных систем ценностей, культур, социально-политических установок и идентичностей, источником которых выступает массовая миграция в страны ЕС представителей других культур и религий из развивающихся стран [16, с. 57–71].

Знаковым событием, наглядно продемонстрировавшим культурную инаковость мигрантов, стала новогодняя ночь в Германии и Бель-

гии. Сотни европейских женщин подверглись оскорблениям и сексуальным домогательствам со стороны вынужденных переселенцев. Политический истеблишмент Евросоюза охарактеризовал ситуацию как культурный кризис и отметил его угрозу для европейского единства. Данное событие лишь подтвердило наличие проблемы культурного взаимодействия между различными цивилизациями, которое невозможно устранить посредством организации курсов по «правильному поведению» мигрантов в общественных местах.

Истоки современных проблем культурного взаимодействия и их политических последствий для современной Европы следует искать в событиях 60–70-х гг. XX в. Поскольку масштабы миграции в тот период не угрожали общественной стабильности, власти европейских стран разрешали выходцам из Азии и Африки создавать зоны компактного проживания. С течением времени они стали крупными неинтегрируемыми анклавами, подобными современному Схарбеку или Маленбеку в Бельгии, превратились в добровольные гетто, живущие по своим законам. Анклавы оказались неподконтрольны правоохранительным структурам европейских государств и стали питательной средой для формирования этнической преступности, а в настоящее время – очагами исламского радикализма и пособничества терроризму.

Современные западные СМИ все чаще говорят о европейском терроризме. В контексте современных трансформаций он также изменил свое лицо. Если во второй половине XX в. европейский терроризм был представлен радикальными национальными силами, стремящимися прийти к политической власти (итальянские «Красные бригады», «Ирландская республиканская армия»), то сегодня он утратил светский характер, привнесен на европейскую почву представителями иной цивилизации и культуры, ставит своей целью дестабилизировать обстановку в обществе [17]. Наибольший общественный резонанс вызвали масштабные террористические атаки в столице Франции (ноябрь 2015 г.) и в столице Евросоюза Брюсселе (март 2016 г.). Они были осуществлены в местах массового скопления людей, в результате – сотни погибших и пострадавших. Ответственность за происходящее взяла на себя группировка ИГИЛ. В качестве причины было названо участие в войне западных, в том числе европейских, стран в Сирии.

В новой реальности утрачивают свою эффективность важнейшие механизмы, обеспечивающие жизнеспособность европейской сверхдержавы, прежде всего система европейской безопасности, элементами которой являлись НАТО и ОБСЕ [18, с. 244]. Данная система была порождением холодной войны и предназначалась для борьбы с государ-

ством и его структурами либо с межгосударственными объединениями. Но она недостаточно результативна в ситуации усиления влияния малых групп и сетевых форм организации, а также активизации негосударственных акторов (этнических и религиозных объединений).

В современной Европе возникает такое явление, как параллельное общество. Его основу составляют выходцы из арабо-мусульманских стран в третьем-четвертом поколениях, которые в условиях обострения этнорелигиозных отношений радикализируются, но не попадают в поле зрения спецслужб. Последние теракты в Брюсселе показали, что пособники террористов не всегда их идейные сторонники, но обязательно родственны им в этнокультурном отношении.

Ситуацию усугубляет право граждан стран, входящих в Евросоюз, беспрепятственно пересекать внутренние границы: теракты в Париже стали результатом действий жителей Бельгии, которые благополучно вернулись к месту постоянного проживания и длительное время скрывались от правоохранительных органов в этнических анклавах. В отсутствие действенных мер безопасности внешние границы также стали прозрачны: от 3 до 5 тыс. выходцев из арабо-мусульманских стран, но с гражданством государств, входящих в ЕС, в разное время выезжали в зоны боевых действий (Ливию и Сирию), а в настоящее время вернулись назад, будучи вооружены боевым опытом и исламистской идеологией. По данным западных спецслужб, ИГИЛ подготовило до 400 террористов-смертников, готовых действовать на территории ЕС. «Ассошиэйтед Пресс» утверждает, что под видом беженцев они уже пересекли границы Евросоюза и находятся на его территории.

Наконец, серьезному давлению подвергается официальный политический курс ЕС, направленный на интеграцию, а также лежащая в его основе система либеральных и гуманистических ценностей. Официальный Брюссель оказался перед дилеммой: толерантность или безопасность.

Под давлением неуправляемой миграции ряд стран – членов Евросоюза ввели те или иные ограничения, связанные с пересечением границ, поставив под вопрос шенгенские договоренности. В частности, Македония закрыла свою границу с Грецией, препятствуя превращению страны в транзитную зону для вынужденных переселенцев. Её примеру последовали другие Балканские страны (Словения и Хорватия), а также Венгрия и Бельгия. Ряд государств требуют от Евросоюза пересмотра квот по приему беженцев (Австрия), отказываются от системы квотирования (Литва, Латвия, Эстония), запрещают мигрантам въезд на свою территорию (Польша).

В связи с миграционным кризисом Великобритания рассматривает вопрос о членстве в Евросоюзе: страна хочет быть частью Европы, связанной с общим рынком, но выступает против зоны евро, шенгена и политической интеграции, включая и миграционную составляющую. Окончательно вопрос будет решен во время национального референдума (июнь 2016 г.).

Первый по-настоящему серьезный политический кризис, вызванный последствиями массовой миграции, произошел в Германии. В результате парламентских выборов (март 2016 г.) правящая центристская партия ХДС потерпела поражение в двух восточных землях из трех, в то время как влияние крайне правых, в первую очередь партии «Альтернатива для Германии», усилилось. Если летом 2015 г. правых поддерживало не более 3 % населения, то в разгар миграционного кризиса их численность выросла примерно в 10 раз. Появились общественные движения, активно выступающие против миграции (Pegida в Дрездене и др.). Это свидетельствует о том, что, во-первых, политика открытых дверей, проводимая руководством страны, оказалась несостоятельной; во-вторых, в обществе усиливается ксенофобия и нарастают националистические настроения [18].

В марте 2016 г. в Брюсселе прошло заседание по вопросам беженцев, которое переросло в дебаты о будущем Евросоюза. Позиции участников оказались принципиально различными: сохранить Евросоюз как общий рынок или сохранить европейскую сверхдержаву, способную решать масштабные задачи.

Осмысление событий последнего времени позволяет высказать предположение, касающееся дальнейшей парадигмы развития европейского мира.

Современный Запад в очередной раз стоит перед дилеммой единения или обособления. Цивилизационное единство Запада, обретшее зримые очертания в форме ЕС, подвергается серьезному давлению со стороны неуправляемой массовой иноэтничной миграции. Её последствия, связанные с экономическими проблемами, обеспечением национальной безопасности и возможностями культурной интеграции мигрантов, вполне прогнозируемы и носят негативный характер.

Волны современной миграции ведут к утрате хрупкого этнокультурного и цивилизационного баланса, существовавшего в Европе до недавнего времени. Неизбежным следствием увеличения численности некоренного населения станет разрушение единого ценностного фундамента европейского общества, вытеснение либерально-демократических ценностей западного мира ценностями традиционных обществ.

По нашему мнению, в подобной ситуации доминирующей тенденцией могут стать государственное обособление, обеспечение национальной безопасности и поддержание национальной общности (национальной идентичности). Что касается цивилизационного единства, то оно, скорее всего, утратит свою приоритетность.

Литература

1. *Штофер Л.Л.* Глобальная миграция как фактор кризиса национального государства // Гуманитарий Юга России. 2015. № 4. С. 98–106.
2. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, 2005. 658 с.
3. *Мелконян В.А.* Международная миграция рабочей силы как глобальная проблема XXI в. // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2014. № 3–4. С. 37–45.
4. *Умаханов И.* Прививка от ненависти [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2011/08/16/a514453.html> (дата обращения: 15.03.2016).
5. *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003. 289 с.
6. *Якимович А.К.* Свой – чужой в системах культуры // Вопросы философии. 2003. № 4. С. 48–60.
7. *Bauman Z.* Identity: Conversations with Benedetto Vecchi. Cambridge, 2004. 104 p.
8. *Шевченко О.М.* Сущность и виды ксенофобии: история и современность. Ростов н/Д., 2013. 204 с.
9. Тенденции перемен в социально-экономическом развитии ведущих стран мира в конце XX – начале XXI века : материалы теоретического семинара ИЭМО РАН. М., 2004. С. 79–102.
10. *Валлерстайн И.* Утопийское, или Исторические возможности XXI века // Прогнозис. 2006. № 1 (5). С. 8–56.
11. World Economic and Social Survey. 2004. 240 p.
12. *Шевченко О.М.* Факторы роста мигрантофобии в современном мире // Смальта. 2015. № 1. С. 55–59.
13. *Шевченко О.М.* «Кризис» идентичности в условиях глобальных трансформаций как фактор роста ксенофобии в современном

References

1. *Shtofer L.L.* Global'naiia migratsiya kak faktor krizisa natsional'nogo gosudarstva // Gumanitariy Yuga Rossiy. 2015. № 4. S. 98–106.
2. *Le Goff Zh.* Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada. Ekaterinburg, 2005. 658 s.
3. *Melkonian V.A.* Mezhdunarodnaia migratsiya rabochei sily kak global'naiia problema XXI v. // Vestnik REU im. G.V. Plekhanova. 2014. № 3–4. S. 37–45.
4. *Umakhanov I.* Privivka ot nenavisti. URL: <http://www.rg.ru/2011/08/16/a514453.html> (data obrashcheniya: 15.03.2016).
5. *Benkhabib S.* Prityazaniya kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nuiu eru. M., 2003. 289 s.
6. *Yakimovich A.K.* Svoi – chuzhoi v sistemakh kul'tury // Voprosy filosofiy. 2003. № 4. S. 48–60.
7. *Bauman Z.* Identity: Conversations with Benedetto Vecchi. Cambridge, 2004. 104 p.
8. *Shevchenko O.M.* Sushchnost' i vidy ksenofobiy: istoriya i sovremennost'. Rostov n/D., 2013. 204 s.
9. Tendentsiy peremen v sotsial'no-ekonomicheskom razvitiy vedushchikh stran mira v kontse XX – nachale XXI veka : materialy teoreticheskogo seminaru IEMO RAN. M., 2004. S. 79–102.
10. *Vallerstain I.* Utopiyskoe, ili Istoricheskie vozmozhnosti XXI veka // Prognosis. 2006. № 1(5). S. 8–56.
11. World Economic and Social Survey. 2004. 240 p.
12. *Shevchenko O.M.* Faktory rosta migrantofobiy v sovremennom mire // Smal'ta. 2015. № 1. S. 55–59.
13. *Shevchenko O.M.* «Krizis» identichnosti v usloviyakh global'nykh transformatsiy kak faktor rosta ksenofobiy v sovremennom mire //

мире // История в фактах и современный подход к безопасности. Одесса, 2015. С. 37–50.

14. *Пантин В.И.* Социально-демографические и цивилизационные сдвиги в современном мире: причины и следствия // История и современность. 2014. № 1. С. 34–45.

15. *Семененко И.С.* Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 11. С. 57–71.

16. Global Trends 2025: A Transformed World. NIC. 2008 [Электронный ресурс]. URL: www.dni.gov/nic/NIC_2025_project.html (дата обращения: 23.04. 2016).

17. *Калачев Д.Н.* Современная система международной безопасности: основные параметры // Вестник МГОУ. История и политические науки. 2015. № 3. С. 243–250.

18. *Kirik V.A., Popov A.V., Posukhova O.Y., Serikov A.V., Shevchenko O.M.* Conceptual and Methodological Research of Xenophobia in Social Sciences // Mediterranean Journal of Social Sciences. Vol. 6, № 4. S4. P. 183–189.

Istoriya v faktakh i sovremennyi podkhod k bezopasnosti. Odessa, 2015. S. 37–50.

14. *Pantin V.I.* Sotsial'no-demograficheskie i tsivilizatsionnye sdvigi v sovremennom mire: prichiny i sledstviya // Istoriya i sovremennost'. 2014. № 1. S. 34–45.

15. *Semenenko I.S.* Integratsiya inokul'turnykh soobshchestv v razvitykh stranakh // Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2006. № 11. S. 57–71.

16. Global Trends 2025: A Transformed World. NIC. 2008 [Elektronnyi resurs]. URL: www.dni.gov/nic/NIC_2025_project.html (data obrashcheniya: 23.04. 2016).

17. *Kalachev D.N.* Sovremennaiia sistema mezhdunarodnoi bezopasnosti: osnovnye parametry // Vestnik MGOU. Istoriya i politicheskie nauki. 2015. № 3. S. 243–250.

18. *Kirik V.A., Popov A.V., Posukhova O.Y., Serikov A.V., Shevchenko O.M.* Conceptual and Methodological Research of Xenophobia in Social Sciences // Mediterranean Journal of Social Sciences. Vol. 6, № 4. S4. P. 183–189.